

Декарта, необходимо было достичь некоего предельного эпистемического уровня – зафиксировать то, что дано в опыте с абсолютной несомненностью.

Интерпретируя витгенштейновскую идею «языковых игр», многие исследователи поступали подобным образом. Значение языкового выражения оказывается зависимым от сообщества коммуницирующих субъектов, оно определяется в рамках данного сообщества и может не совпадать со значением этого же выражения в другом контексте. Какого-либо раз и навсегда данного, объективного значения ни одно выражение языка не имеет. Однако подобная, достаточно банальная трактовка витгенштейновской теории также не собирается ставить под сомнение тот факт, что внутри контекста носители языка с полной определенностью оперируют значениями своих выражений. И уж во всяком случае единственный субъект сам для себя четко понимает, что он имеет в виду, когда употребляет то ли иное слово.

Скепсис крипкевского Витгенштейна показывает, что декартовское *cogitatum* или гуссерлевское интенциональное содержание, конституируемое отчетливо и однозначно, при более тщательном рассмотрении ока-

зывается иллюзорным. Исходя из такой трактовки, можно было бы рискнуть задать иное и, кажется, менее тривиальное понимание идеи языковой игры. Значение слова рассматривается в контексте не потому, что мы отказываемся от его объективного референта, а потому, что это значение не фиксируется в субъективности. Концепция «значение как употребление» говорит не о том, что значение выражения формируется в его реальном употреблении в окружении сообщества, а буквально о том, что значение – это и есть употребление. Это, перефразируя Крипке, есть уверенное, но слепое действие и больше ничего. Мы употребляем слово наугад и следим за реакцией сообщества. Если наше употребление не вызовет отторжения, то мы будем считать его правильным. Но саму формулировку значения ни мой субъективный опыт, ни опыт сообщества продуцировать не в состоянии. Корректнее было бы сказать, что сообщество формирует иллюзию значения, позволяет нам увереннее держаться там, где на самом деле при более тщательной постановке эпистемологических вопросов, оснований для такой уверенности не существует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pettit P. The Reality of Rule-following // *Mind* 1990. Vol. XCIX, № 393. P. 1–21.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М., 1994.
3. Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language. Oxford, 1982.
4. McGinn C. Wittgenstein on Meaning. Oxford. Basil Blackwell, 1984.
5. Blackburn S. The Individual Strikes Back // *Synthese*. 1984. Vol. 58.
6. Liu Xin. Shoen Kripkenstein: Rule and Indeterminacy // *Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy* Boston, Massachusetts U.S.A., 1998. <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Lang/LangLiu1.htm>
7. Gillett G. Humpty Dumpty and the Night of the Triffids: Individualism and Rule-Following // *Synthese* 1995. Vol. 105, № 2. P. 191–206.
8. Husserl E. *Logische Untersuchungen*. Max Niemeyer Verlag Tubingen, 1980.
9. Гуссерль Э. Идее к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: ДИК, 1999.
10. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, Ювента, 1998.
11. Boghossian P.A. The Rule-Following Considerations // *Mind* 1989. Vol. XCVIII, № 392. P. 507–549.
12. Davidson D. Rational Animals // *Action and Events*, in Ernest Le Pore and Brian McLaughlin (eds), Blackwells, Oxford, 1985.

Статья представлена кафедрой философии и методологии науки философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 15 февраля 2004 г.

УДК 165.4

А.М. Леонов

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ФИЛОСОФИИ СЛОЖНОСТИ

Рассматриваются исходные предпосылки, среда и контекст, на базе которых выполняется анализ современного состояния теории познания применительно к науке о сложности, которая в общем и целом родственна российской синергетике. Эти положения определяют главные авторские установки и его подход к анализу проблемы, которая в полной мере рассматривается автором в докторской диссертации «Эпистемология сложности в контексте компьютерных наук».

Сложность и неопределенность мира, вещей и познания всегда интересовали людей, однако философский анализ сложности стал актуален только в конце XX в. Под влиянием целого ряда обстоятельств, важнейшим из которых стал деловой интерес к специфике больших и сложных систем, возникла и стала быстро развиваться новая наука – наука о сложном [1, 2], или наука о сложности (Complexity Science). Эта наука в России больше известна как наука о кооперативном поведении – синергетика. Уже в конце 80-х гг. прошлого века была осознана необходимость в философском осмыслении феномена сложности [3], в создании особой философской науки – философии науки о сложности, которая выполняет по отношению к последней роль метанауки и которую мы далее будем называть философией сложности. И.С. Утробин еще в начале 90-х гг. XX в. одним из первых в нашей стране указал на «необходимость создания обобщенной философской концепции сложности» [3].

Сложность, присущая государствам, окружающей среде, экономике, транспортным, энергетическим и коммуникационным сетям, электронным чипам, программному обеспечению и операционным системам, вычислительным средам, продукции высоких технологий и энергетике, интуитивно понятна: она легко может быть теоретически обоснована и описывается множеством вполне понятных особенностей. Трудности возникают при целостном рассмотрении этого феномена, при попытках традиционным для науки образом понять, почему сложные системы не всегда похожи на простые, на путях выявления «закономерностей функционирования» таких систем и при стремлении реализовать укоренившуюся в западном мышлении «волю к власти» – обеспечить их предсказуемое и надежное поведение.

Образное представление о рассматриваемой проблеме уже укоренилось в нашей культуре и общественном сознании благодаря роману «Солярис» Станислава Лема

и его широко известным экранизациям, а также последовавшим за ним вариациям на эту тему, где наиболее сложная из реально существующих систем – человеческий ум – сталкивается с гипотетически возможными проявлениями инопланетного разума. Конечно, реальные достижения на этом пути много скромнее, но и они способны будоражить воображение.

Большие и сложные системы, которые способен вообразить человеческий ум, редко бывают устойчивыми, а значит, они не могут сколь-нибудь долго существовать в реальном мире. На более точном (модельном) уровне устойчивые состояния обычно занимают очень незначительную часть всего фазового пространства системы, описывающего возможные для данной модели состояния системы. Небольшие, казалось бы, изменения параметров способны привести к потере устойчивости, вытолкнуть систему в кризис, последствием которого могут быть утрата целостности и прекращение существования.

Мифология всех народов населена множеством химерических существ, которых никто не видел. С другой стороны, даже реально и устойчиво существующие системы могут потерять устойчивость и перейти в разряд химер вследствие, казалось бы, небольших исправлений системы в интересах людей. Примером таких «небольших» улучшений, которые делались, как это представлялось, в интересах народа, является развал СССР, который проявил в годы Великой Отечественной войны пример величайшей устойчивости, а потом – «развалился сам собой».

Другой пример – продолжающаяся деградация рек, например Волги, начинающаяся после создания на ней гигантских рукотворных морей – водохранилищ, в которых речная вода не может устойчиво существовать и начинает изменять свои свойства. Эта деградация происходит во всех водохранилищах, и мы пока не знаем, к чему это приведет.

Еще одним важным обстоятельством, обуславливающим возникновение философии сложности, является интерес к редким, казалось бы, случайным событиям, которыми, в частности, являются различные стихийные бедствия и катастрофы. Будучи редкими, а часто и единичными в истории, они выпадают из числа воспроизводимых в опыте и доступных для фальсификации объектов традиционной науки, однако, как выяснилось, происходят гораздо чаще, чем это следует из классической теории вероятности, и требуют поэтому создания специальных теорий. Но цели теорий – давать количественный прогноз, причем нередко абстрагируясь от понимания. А для того, чтобы наш ум умел обращаться с объектами, точнее, с паттернами связи такого рода, требуется специфическое системное мышление, которое корректнее называть сложностным мышлением.

Нашей целью здесь является краткий обзор тех обстоятельств, которые необходимо должны быть приняты во внимание при создании философии сложности и являются подтверждением существования специфического сложностного мышления. Нет нужды доказывать, что ни одна из философских традиций в полной мере не релевантна проблеме осмысления сложности, а приблизить к её пониманию могут труды Дао Дэ Цзин и Чжуан Цзы [4]. Более детальное обоснование этого тезиса можно найти, например в [5].

В настоящее время возникли и сформировались следующие предпосылки для возникновения философии сложности и сложностного мышления (детальное и аргу-

ментированное изложение материалов этого раздела приведено в [6]):

1) анализ больших систем показывает, что именно «сложность» (в [6] описана и проблема дефиниции сложности) наиболее универсальным образом определяет их особенности;

2) люди научились проектировать, создавать, эффективно применять, совершенствовать и сопровождать грандиозные, ясно и точно работающие сложные системы, например чипы компьютеров и операционные системы;

3) возникли компьютерные методы исследования систем, в которых сложность является важнейшей способной увеличиваться характеристикой;

4) сложность заметно повысила эффективность человеческой деятельности, качественно изменила конкурентоспособность промышленных товаров и изделий, стала краеугольным камнем высоких технологий;

5) люди научились управлять сложностью, инкапсулировать функциональность и минимизировать связи, заимствуя новые методы у природы;

6) с исследованиями сложности связаны уникальные новейшие технологии и научные открытия, которые сохраняют свою перспективность;

7) люди обратились к научным исследованиям таких особенностей реально существующих систем, которые наиболее адекватно охватываются только неопределенностью, вкладываемой в различные понимания «сложности».

Внешние условия, окружение или среда, в рамках которой стала актуальной философия сложности, задается рядом исходных допущений [6, С. 41–44]:

1) развитие наук о сложности направляется и поддерживается усилиями наиболее развитых государств и транснациональных корпораций (ТНК);

2) активная экспансия ТНК в мире основывается на научно-технической, политической и военной мощи развитых стран, прежде всего США;

3) главным способом осуществления новой политики является упреждающее развитие – технологический и научно-технический отрыв (ТНТО) развитых стран от ближайших конкурентов, в особенности от России [7–9];

4) наука о сложности является тем ядром, вокруг которого концентрируются разнообразные научно-технические усилия по обеспечению ТНТО;

5) новая политика осуществляется под плотной идеологической завесой нескончаемых акций по «промыванию мозгов» и информационных войн, значимость которых быстро растет, благодаря новой науке и технологиям;

6) наука о сложности по существу является новой научной парадигмой, фактически отвергающей картезианство. Изменяются подходы к исследованиям, цели и задачи науки, используемые методы и средства, философия;

7) в мире происходят колоссальные знаковые изменения, которые зафиксированы в культуре как «ситуация постмодерна». Наиболее заметное проявление постмодерна заключено в кардинально изменившейся роли информационного продукта и знаний;

8) «ситуация постмодерна» в культуре в большой степени является специфической реакцией элиты «выпавших из истории» стран на происходящие в мире изменения. Она связана с девальвацией традиционных ценностей, распространением идей толерантности, плюрализма и релятивизма. Более подробное изложение этой связи дано в уже упомянутой монографии автора [6];

9) становление однополярного мира под эгидой США, обусловленное практикой ТНТО, обеспечивается львиной долей развитых стран в научно-технической сфере, благодаря чему они фактически контролируют научно-технический прогресс (НТП) в мире. Это стало возможным вследствие того, что НТП обусловлен и детерминирован (петлей положительной обратной связи) успехами компьютерных наук, развитие которых в этих странах, в отличие от России, обладает абсолютным и безусловным приоритетом;

10) изменяются условия жизни и быт людей, изменяется характер даже традиционных видов деятельности, престижность товаров и услуг, инфраструктура, форма организаций, занятость людей. Выдающееся значение приобретает совместное действие усиливающих друг друга важнейших информационных тенденций, стремящихся к конвергенции и глобализации [10];

11) важнейшим товаром становится информационный продукт, а поиск актуальной и практически ценной информации, необходимой для создания новых идей и инноваций, – важнейшим, если не главным, видом деятельности. Выдающееся значение приобретает работа со знаниями. Осуществляется массовое переупорядочение и перекачивание знаний из традиционной текстовой и графической формы в более регулярный и доступный агентам виртуальный мир алгоритмов, баз данных и знаний, семантических сетей;

12) овладение всеми информационными ресурсами планеты, тотальный контроль над потоками сообщений, превосходство в оперативном доступе, обеспечение возможности найти и получить всю необходимую информацию является важнейшим звеном ТНТО. Эти усилия обесценивают традиционные подходы к получению, анализу и представлению знаний, превращая их в типичный для постмодерна фарс повторения пройденного и известного;

13) осуществляется целенаправленное воздействие на мир и историю, исходящее из того, что реальность мира в значительной мере такова, каким его представляют себе люди. Поэтому для изменения мира часто достаточно целенаправленно изменить вкусы, предпочтения и представления людей, используя создаваемые для этого новые коммуникационные возможности глобальных сетей, подконтрольные СМИ, новые товары и услуги, массовую культуру, агентов влияния и всеобщее стремление к новому;

14) стремление оседлать время, овладеть темпом перемен в том смысле, чтобы обеспечить тотальное и повсеместное опережение конкурентов, в частности за счет применения новых информационных технологий, позволяет США иметь превосходство и диктовать условия игры всей планете;

15) перед лицом безудержной экспансии западной, в частности американской, массовой культуры, обусловленной научно-техническим и военным превосходством США, наша страна реально оказалась на краю пропасти. Здесь мы лишь сошлемся на три важнейших источника, которые были при этом использованы – [11–13]. России снова брошен вызов истории, от которого она под угрозой потери национальной идентичности и независимости не может отказаться.

Такая ситуация накладывает свой отпечаток на понимание автором места современной научной философии в нашей стране вообще и дискурса, который наиболее адекватен поставленной проблеме, в частности. Последний,

hic et nunc (здесь и теперь), характеризуется следующими особенностями (подробнее, с обоснованиями, эти положения изложены в уже упомянутой монографии автора [6, С. 8–18]):

1) мир предстает перед философом и философской наукой как текст в том смысле, что философскому анализу подлежит лишь объективное содержание мира, зафиксированное наукой. «Наука обладает объективным содержанием только в своей литературе, только в виде письменных произведений ведет она самостоятельное существование, хотя и связанное многочисленными нитями с человеком и его интеллектуальной деятельностью; в этой форме она живет тысячелетиями и переживает личности, поколения и нации» [14]. Эти тексты и представляют собой контекст, в рамках которого функционирует настоящий дискурс;

2) философия – это специфическая разновидность творческой деятельности, которая занимается прояснением мыслей, а также критической экспертизой фундаментальных верований и убеждений, содержащихся в опубликованных научных концепциях, разделяемых человеческим сообществом;

3) философский дискурс в известной мере развивается на основе множества философских традиций. Характер этих традиций некоторым зависящим от политики образом определяет или, по меньшей мере, влияет на правила легитимации тех языковых игр, которые вовлечены в дискурс;

4) переживаемая эпоха «бифуркаций» [14] характеризуется грандиозными переменами, происходящими в мире, но и не менее грандиозными перестройками в понимании сущности нашего мышления. Мы снова и снова возвращаемся к тому перевороту, который произвел в философии Кант, системно и критически рассмотрев возможности чистого разума;

5) неясность языковых игр и их часто не оговариваемое смешение друг с другом, равно как и использование философской логики, с одной стороны, затрудняет понимание философских работ, с другой стороны, делает возможным создание новых философских построений как таковых. «Обычно только средоточие философских произведений носит действительно философский характер (имеет смысл философствования). Это средоточие – философская логика, то есть мышление, направленное на логическое обоснование начал мышления – начал бытия. Ясно, что такое обоснование не может иметь ничего общего с (формальной) логикой обычного толка, с формами логического движения, основанного на неких исходных (не подвергаемых сомнению) аксиомах. Или, как говорил Аристотель, мышление о началах мышления (“*нус*”) коренным образом отличается от мышления внутри научного знания (“*эпистеме*”). И именно и только в этой сфере, в невозможной, парадоксальной сфере логического обоснования начал логики (разве это возможно?) философская мысль остается самой собой – философией в собственном, уникальном и неповторимом смысле» [16];

6) догматы ортодоксально понимаемого советского марксизма перестали ныне сковывать свободу философской мысли и утратили способность выступать в качестве самодовлеющей истины, тем самым открыв дорогу к разнообразным достижениям философской мысли более позднего времени. Но воззрения западных философов, в особенности принадлежащих к аналитической традиции, очень непросто складываются в единую, целостную картину мира, которую мы в дальнейшем попытаемся рекон-

струировать под эгидой так называемого сложностного мышления.

В отечественной философской традиции, еще замутненной крахом ортодоксального советского марксизма, мы пока встречаем в основном фрагментарные, нередко надуманные, ракурсы современного мира, часто в кажущейся научной исторической ретроспективе, или анализы взглядов на эти ракурсы известных философов. Марксизм как живое и обновляющееся учение не умер. Но его ортодоксальная, воинствующая и догматическая часть не препятствует более проникновению нового. Г.П. Щедровицкий, рассказывая о своей жизни и причине ухода с философского факультета МГУ, в конце 1980-х гг. с горечью заметил: «...все принципы марксизма истинны во всех областях, кроме самого марксизма, или применимы ко всем областям, кроме области марксистской философии. Потом-то я понял, что на этом — как обойти это противоречие — и построена вся философия философского факультета МГУ». Он до самой своей смерти в 1994 г. не давал согласия на публикацию своих воспоминаний. Они вышли только в 2001 [17. С. 225].

Многие положения марксизма не только не утратили своей значимости, но и приобрели ныне особую остроту, другие остались действенной частью мировой философской мысли. «История развития мысли ясно показывает, что ни один из перечисленных принципов не является оригинальным завоеванием диалектического материализма, хотя, взятые в совокупности, они характерны только для этой концепции» [18. С. 66]. А еще одна негнривальная часть этой философии ждет, по-видимому, своего открытия. Вместе с тем в своем целостном виде марксизм возник в XIX в. и уже к концу этого века потребовал адаптации к изменившимся условиям, в частности в России. К настоящему времени многие положения марксизма, в частности его бескомпромиссная вера в историческую будущность могильщика капитализма — «рабочего класса», истиной ныне не являются. Приведенное положение принадлежит к числу краеугольных камней этой философии и поэтому часто используется противниками как контраргумент. Едва ли следует ныне пытаться реанимировать марксизм, ибо любая попытка сделать это всегда, с точки зрения ортодоксов, будет выглядеть как ревизионизм и оппортунизм. Но вот использовать достижения марксизма при разработке философии сложности не только можно, но и необходимо, ибо многие предвидения классиков не только не устарели, но и обрели новые интерпретации;

7) помимо языковых игр, каждый ныне живущий философ как часть социума вынужден выступать в нескольких ролях: гражданина, политика, ученого, исследователя, а часто и отца семейства. Г.П. Щедровицкий писал: «История науки имеет две стороны, собственно науки в лицах, и быт этих лиц, которые очень сложно связаны... Мне в общем-то не повезло на встречи с подлинными людьми науки, чья личная жизнь в принципе сливается с жизнью науки, с исследовательской деятельностью. Таких помню всего несколько — если пять, то это хорошо... все остальные жили в общем-то не жизнью науки; она, конечно, существовала для них, но была второстепенной. Они жили вокруг науки по законам социальных отношений, социальных взаимодействий, по законам политики» [17]. От гражданской позиции человека зависит выбор предпочтительных ролей в этой схеме. К сожалению, этот выбор нередко входит в

конфликт с релевантностью действительности и с истинной, которые в любом случае должны быть более приоритетными. Иначе всякое исследование превращается в профанацию науки, оно может быть утилитарно полезным для автора, но, как правило, является скучным и обременительным для всех остальных;

8) хотя миру известны многие достижения отечественной науки и российских ученых, философская картина мира, которой пользуются отечественные исследователи, часто не является вполне адекватной. Догматические представления прошлого не только затрудняют, но и препятствуют пониманию многих новых результатов. Особенно заметно это в сфере науки о сложности, где в рамках междисциплинарных исследований философы работают вместе с учеными, или сами ученые развивают новые философские идеи. Я полагаю, что именно перелевантное понимание руководящих идей, или каркасов, используемых современной западной наукой, является ныне главным тормозом на пути быстрого развития этой науки в нашей стране;

9) эти каркасы сформировались в XX в. под влиянием философских идей, которые долгое время у нас скорее критиковались, чем серьезно рассматривались. В значительной степени они возникли под влиянием критики картезианства, оставившего незывлемые догматы академической науке. Правило III. «Касательно обсуждаемых предметов следует отыскивать не то, что думают о них другие или что предполагаем мы сами, но то, что мы можем ясно и очевидно усмотреть или достоверным образом вывести, ибо знание не приобретается иначе» [19. С. 80];

10) однако ввиду того что наше исследование обязано протекать в рамках легитимной в настоящее время языковой игры, цель его заключается в том, чтобы вывести сегодняшнее состояние науки о сложности не из внешнего, а из научного контекста. Однако сделать это без привлечения новых идей и отказа от ряда догм, как мы далее увидим, невозможно. При этом, по Декарту, «...для разыскания истины вещей необходим метод» [19. С. 90], позволяющий раскрыть роль, значение и руководящие принципы, обеспечивающие становление науки о сложности. Я полагаю, что таким универсальным, ведущим методом современной науки о сложности являются многообразные усилия в сфере компьютеринга. Чтобы подтвердить это, необходимо доказать, что научные исследования сложности, давшие невиданный толчок развитию производительных сил, общества и его культуры, детерминируются развитием компьютерных наук, и понять, как они стали возможными и какие цели преследуют.

Таким образом, пролегомены к данной работе включают те моменты, которые позволяют очертить круг проблем, существенных для когнитивного обоснования новой науки — науки о сложности, которая в России чаще всего называется синергетикой. Эта наука занимается исследованиями системных объектов — больших и сложных систем, которые стали актуальными для человечества в последние десятилетия XX в. и будут наиболее важными объектами всех наук в XXI в. Это обоснование включает в себе:

- 1) определение предпосылок, среды и контекста, в которых возникла новая наука;
- 2) анализа предшествующих философских и научных работ для выявления важнейших источников и авторов;
- 3) выявление структуры философии сложности;

4) рассмотрение разнообразия подходов к дефиниции сложности, показывающего непригодность для этих целей традиционных методов;

5) прояснение многообразных зависимостей науки о сложности от ситуации постмодерна, с которой она связана разнообразными цепями обратной связи;

6) рассмотрение истории системных наук с целью выявления основных направлений, приведших к возникновению науки о сложности и развивающихся ныне во взаимодействии с ней.

Современная научная философия – это специфическая творческая деятельность, которая занимается прояснением мыслей, а также критической экспертизой наших фундаментальных убеждений и концепций, с

помощью которых эти убеждения выражаются. Философский дискурс развивается на основе традиций, которые используют и, некоторым образом, определяют правила легитимации применяемых языковых игр. Однако наличие таких правил не всегда осознается, еще реже эти правила, полагаемые интуитивно понятными, не формулируются явно. Неявность языковых игр и их смешение, а также использование разных логик не только затрудняют понимание многих работ, но и делают возможными новые философские построения, хотя они и чреваты возникновением неясностей, недомолвок и противоречий. Прояснение достигается, когда нам становятся понятными, а значит, и в некоторой мере предсказуемыми шаги авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князев Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетическое расширение антропного принципа // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Никитис Г., Пригожин И. Познание сложного. М.: Наука, 1990.
3. Утробин И.С. Категория сложности в современной теории развития. Дис. ... д-ра фистос. наук в виде научного доклада. Пермь, 1993.
4. Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972. Т. 1.
5. Канр Ф. Дао физики. СПб.: Орис, 1994.
6. Леонов А.М. Познание сложности. Введение в философию X-науки. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2002. 222 с.
7. Громов Г.Р. Национальные информационные ресурсы: проблемы промышленной эксплуатации. М.: Наука, 1984.
8. Громов Г.Р. Гуманитарные основы информационной технологии. Серия «Информация. Наука. Общество». М.: ИНИОН, 1988.
9. Громов Г.Р. Очерки информационной технологии. М.: ИнфоАРТ, 1992.
10. Поппель Г., Голдстейн Б. Информационная технология – миллионные прибыли. М.: Экономика, 1990.
11. Сулакшин С. Измена. М.: ВИНТИ, 1998.
12. Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1996 году // Г.В. Осипов, В.К. Левашов, В.В. Локосов. М.: Республика, 1997.
13. Управление риском. Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. М.: Наука, 2000. <http://www.keldysh.ru/papers/2003/source/book/gmalin/titul.htm>
14. Гуссерль Э. Логические исследования. М.: АСТ, 2000. С. 23.
15. Laszlo E. The age of bifurcation. Understanding our challenging world. New York: Gordon & Breach, 1991.
16. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991.
17. Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом. М.: Путь, 2001. С. 255.
18. Грэхэм Т.Р. Естественное, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. С. 66.
19. Декарт Р. Правила для руководства ума. М.: Мысль, 1989. Т. 1.

Статья представлена кафедрой компьютерного и математического моделирования Института математики и информатики Якутского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 15 февраля 2014 г.

УДК 130.2

Ю.С. Осаченко

АКТУАЛЬНОСТЬ МИФИЧЕСКОГО

В статье автор рассматривает современный контекст осмысления мифа в многообразии его понимания. Ставится вопрос о необходимости создания адекватной методологии интерпретации мифологического сознания. Рассмотрение мифа в контексте коммуникативной онтологии позволяет разработать такую методологию.

Актуальность обращения к мифу в контексте современной философии обусловлена теми изменениями, которые произошли на исходе XX в. как в ткани социальности, так и в теоретическом дискурсе, в способах концептуализации и осуществления философской рефлексии. По-прежнему не банально звучат следующие вопросы:

– что есть миф в его отношении к логосу, когда последний утрачивает контуры монологизма и осознается как полилог, осуществляемый в прагматике повседневного действия?

– какую роль играет миф как опыт сознания – первичного события различения сущего и бытия, конфигурирующего поле онтических отождествлений, – в конституировании онтологий?

– что может дать анализ мифического в ситуации современного мультикультурализма и полионтологизма (плюрализма) как в теоретическом, так и в социокультурном измерении?

– в чем специфика мифического аспекта формирования эталонов идентичности, конститутивных для обо-

значения партикулярных горизонтов осмысленности, и как возможна в такой ситуации коммуникация?

Современный мультикультурализм может рассматриваться как своеобразная стратегия ремифологизации – возвращение власти мифа в модернизированном виде. Миф как первичный (и в логическом, и в историческом плане) способ концептирования и построения «картины мира», т.е. как мифосознание реализуется не только в архаике, но и активно функционирует в современности.

Знаменитый мифологизм XX в. в философии, искусстве и литературе; распространенность нео- и псевдомифологий, современное мифосознание, ассимилирующее в виде квазинаучных мифологий понятийный аппарат и ряд концепций науки и философии; актуализация мифологического сознания в рамках массовой культуры, в рекламе, политике, образовании, спорте; возвращение мифа как распыление и десакрализация изначального теоретического пафоса «чистоты незаинтересованного созерцания (рефлексии)» – все это и многое другое делают анализ мифа и мифического сознания чрезвычайно злободневным.